

**THE
GRACE
YEAR**

**KIM
LIGGETT**

КИМ ЛИГГЕТТ

ГОД
БЛАГО-
ДАТИ

МОСКВА
2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Λ55

Kim Liggett
THE GRACE YEAR
© 2019 by Kim Liggett

В оформлении переплета использована иллюстрация
©HSIAO-RON CHENG

Перевод с английского *Елены Татищевой*

Художественное оформление *Марии Коняевой*

Лиггетт, Ким.

Λ55   Год благодати / Ким Лиггетт ; [перевод с английского
Е. С. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110058-2

В округе Гарнер свои порядки. Здесь верят, что юным девам под силу выманить мужчин из постелей, а их жен и вовсе сводить с ума. Вот почему девушек изгоняют из дома на целый год — за это время они должны избавиться от темного «дара» и вернуться назад очищенными, готовыми к браку. Шестнадцатилетняя Тирни Джеймс мечтает о лучшей жизни, и чем ближе ее собственный год благодати, тем сильнее страх путает мысли. Что, если она не вернется назад, что, если то, о чем тайком перешептывались другие женщины, может произойти и с ней? Что, если этот год на самом деле несет лишь смерть?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Татищева Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110058-2

*Дочерям нашего мира
и тем, кто их читит*

Крысе в лабиринте
позволительно идти куда вздумается, —
при условии, что она в лабиринте¹.

МАРГАРЕТ ЭТВУД
«РАССКАЗ СЛУЖАНКИ»

Может, зверь этот и есть...
Может, это мы сами...²

Уильям Годдинг
«ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ»

---

¹ Перевод А. Б. Грызуновой.

² Перевод Е. А. Суриц.

Глава 1

Никто не говорит о годе благодати. Это запрещено. Все внушают, что нам под силу выманить взрослых мужчин из супружеских постелей, лишать юношей рассудка и заставлять жен сходить с ума от ревности. Люди считают, что от нашей кожи исходит сильнейший афродизиак, пьянящий аромат юности, аромат девушки, готовый превратиться в женщину. Поэтому-то, когда нам исполняется шестнадцать лет, нас изгоняют на целый год, чтобы мы избавились от нашего волшебства, выпустив его на волю, прежде чем нам будет дозволено вернуться в цивилизованный мир.

Но я не чувствую себя сильной. Не чувствую в себе никакого волшебства.

Разговаривать о годе благодати запрещено, но меня это не останавливает — я все равно ищу подсказки.

Обмолвка женщины из любовной парочки на лугу, рассказанная на ночь страшная сказка, несколько не похожая на сказку, многозначительные взгляды, укрытые в шутках, которыми женщины перебрасываются на рынке. Но никто из них ничего не говорит.

Правда о годе благодати, о том, что будет происходить в этот год, прячется в крошечных невидимых нитях, парящих вокруг них, когда они думают, что за ними никто не следит. Но я слежу, слежу всегда.

Соскользнувшая шаль, покрытые рубцами плечи, обнаженные под полной сентябрьской луной.

Колдовские пальцы, скользящие по пруду, рябь на его воде, которая мало-помалу становится черной.

Их глаза, глядящие из далекого далека. Глядящие в изумлении. И в ужасе.

Раньше я думала, что это и есть мое волшебство — дар видеть то, чего не видят другие, то, в чем они не хотят признаться даже самим себе. Но на самом деле, чтобы увидеть, достаточно просто открыть глаза.

Мои же глаза всегда широко открыты.

Осень

Глава 2

Я иду за нею по лесу по утоптанной тропе, которую видела уже много-много раз. Папоротники, венерины башмачки, чертополох и растущие на тропинке загадочные красные цветы. Пять лепестков такой идеальной формы, словно они были созданы только для нас. Один лепесток для девушек, которым предстоит год благодати, один для жен, один для работниц, один для тех, кто живет в предместье, и один для нее.

Девушка оглядывается через плечо и улыбается мне все той же широкой уверенной улыбкой. Кого-то она напоминает мне, но я не могу вспомнить ни ее имени, ни лица. Быть может, это какое-то давным-давно стершееся воспоминание, быть может, кто-то из моей прошлой жизни, а возможно, моя младшая сестра, узнать которую мне еще не довелось. Лицо сердечком, маленькая красноватая родинка под правым глазом. Тонкие, нежные черты, совсем как у меня, однако облик девочки отнюдь не говорит об изнеженности. В ее серо-стальных глазах пылает неукротимый нрав, темные волосы острижены очень коротко, но я не знаю, что тому причиной: наказание или бунт. Я не ведаю, кто она, но, как ни странно, осознаю — я люблю ее. Эта любовь не похожа на ту, которой мой отец любит мою мать, она заботлива и чиста, как то чувство, которое я испытывала к птенчикам малиновки, которых vyhаживала минувшей зимой.

Мы выходим на поляну, где собрались женщины всех сословий — и у каждой из них над сердцем приколот красный цветок. Они не грызутся, не смотрят друг на друга волком —

все они пришли сюда с миром. И в полном согласии. Мы — это сестры, дочери, матери, бабушки, сплотившиеся ради того, что нужно нам всем, ради того, что важнее нас самих.

— Мы слабый пол, но отныне мы не слабы, — говорит девушка.

И в ответ женщины издают звериный рев.

Я не боюсь. И чувствую лишь одно — гордость. Эта девушка — избранная, та, которая изменит все, и каким-то образом к этому причастна и я.

— Этот путь был вымощен кровью, кровью наших сестер, но она была пролита не напрасно. Нынче вечером году благодати наступит конец.

Когда я выдыхаю воздух, скопившийся в легких, я уже не в лесу, не рядом с той смелой девушкой, а здесь, в этой душной комнате, лежу в кровати под пристальными взглядами моих сестер.

— Что она сказала? — спрашивает старшая сестра Айви, и я вижу, как пылает ее лицо.

— Ничего, — отвечает Джун, сжав запястье Айви. — Мы ничего не слышали.

В комнату входит наша мать, и мои младшие сестры Клара и Пенни тычками заставляют меня встать. Я смотрю на Джун, желая поблагодарить за то, что она отвела от меня беду, но та не хочет глядеть мне в глаза. Не хочет или не может. Не знаю, что из этого хуже.

Нам не разрешено видеть сны. Мужчины считают, что таким образом мы можем скрыть свое волшебство. За сны могут наказать, а если бы кто-то узнал, о чем были мои, это привело бы меня на виселицу.

Мы идем в комнату для шитья, суетясь, точно стайка суматошных воробьев. Сестры дергают меня, толкают.

— Полегче, — задыхаясь, говорю я, когда ликующие Клара и Пенни слишком уж резко тянут на себя шнурки моего корсета. Они воображают, что все это просто веселая игра, не понимая: через несколько коротких лет придет и их черед. Я шлепаю их по рукам. — Может, вы помучаете кого-то другого?

— Не капризничай, — говорит наша мать и, вымещая до-саду на моих волосах, заканчивает заплетать косу. — Все эти годы твой отец позволял тебе делать что угодно, и, что бы ты ни творила, это сходило тебе с рук: и пятна на платьях, и грязь под ногтями. Но нынче ты в кои-то веки поймешь, что значит быть благовоспитанной девицей.

— Да кому это нужно? — Айви смотрит в зеркало, кичась своим растущим животом, который она нарочно выпячивает, чтобы видели все. — Ни один парень в здравом уме не захочет даровать Тирни помолвочное покрывало.

— Что ж, пусть так, — говорит матушка и, схватив шнурки корсета, затягивает их еще туже. — Но раз она моя дочь, то должна хотя бы сегодня выглядеть прилично.

Я была своевольным ребенком, чересчур любопытным себе во вред, девочкой, витающей в облаках, лишенной благо-наравия... а также много чего еще. И я стану первой девушкой в нашей семье, которая вступит в год благодати, не обретя жениха.

Моей матери даже не надо этого говорить. Всякий раз, когда она глядит на меня, я чувствую ее раздражение. Ее тихую злость.

— Вот оно. — В комнату возвращается Джун, моя самая старшая сестра, неся темно-синее шелковое платье с шалевым воротником, отделанным речным жемчугом. Это то самое платье, которое было на ней четыре года назад, в день, когда ей на голову накинули покрывало. Оно пахнет сиренью и страхом. Белая сирень стала тем цветком, который выбрал для нее парень, пожелавший жениться на ней, выбрал, как символ невинности и юной любви. С ее стороны очень мило одолжить платье мне, но в этом вся Джун. Даже год благодати не смог победить ее доброту.

Все остальные мои сверстницы сегодня будут в новых платьях, украшенных оборками и вышивкой по последней моде, но наши родители сразу же поняли, что тратить средства на меня просто не имеет смысла. У меня нет перспектив. Я сама сделала для этого все, что только можно.